

Реформа Единой школы в Дальневосточной республике

Светлана Борисовна Белоглазова,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: Beloglazov1@yandex.ru

В статье исследована история проведения школьной реформы на территории Дальневосточной республики (ДВР), слабо изученная в общероссийской и региональной историографии. В научный оборот введены выявленные автором новые архивные материалы, представленные циркулярными письмами Министерства народного просвещения ДВР и Наркомпроса РСФСР, перепиской с областными отделами народного образования ДВР и частными лицами. Показаны основные направления реформы: формирование государственной сети Единой школы; подготовка новых учебных программ для реформируемых школ; перестройка учебно-воспитательного процесса, управления школой и организационной жизни школы посредством введения школьного самоуправления; создание областных и уездных комиссий для выборов организаторов учебных заведений и сети показательных учреждений, осуществлявших на практике принципы Единой трудовой школы. Автор отмечает, что реорганизация всей сети дореволюционных школ в единую двухступенчатую систему заняла больше времени, чем намечали организаторы реформы, но задача создания Единой школы была решена. Реализация принципов Единой трудовой школы была решена частично. Разногласия по поводу модели школы помешали переходу на новые учебные программы и перестройке учебного процесса на основе принципа трудового воспитания и обучения. Из-за протестных настроений в обществе не закончили введение совместного обучения. Установление платы за обучение нарушало принцип Единой трудовой школы о бесплатности и общедоступности образования, что наиболее отчётливо проявилось с наступлением финансово-экономического кризиса в ДВР, вынудившего министерство передать школы местным самоуправлениям.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, общеобразовательные школы, реформа образования.

The Reform of the Unified School in the Far Eastern Republic.

Svetlana Beloglazova, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: Beloglazov1@yandex.ru.

The paper examines the history of the school reform in the Far Eastern Republic poorly studied in all-Russian and regional historiography. The new

archival materials revealed by the author, which were presented by circular letters of the Ministry of Public Education of the Far Eastern Federal Republic and the People's Commissariat of the RSFSR, correspondence with regional departments of public education of the Far Eastern Federal Republic and private individuals, have been introduced into scientific discourse. The main directions of the reform are shown: the formation of a state network of a unified school, the preparation of new curricula for reformed schools, the restructuring of the educational process, school management and organizational life of the school through the introduction of school self-government, the creation of regional and county commissions for the election of organizers of educational institutions and a network of demonstration institutions that implemented the principles of a Unified Labor School in practice. The author notes that the reorganization of the entire network of pre-revolutionary schools into a single two-stage system took longer than the organizers of the reform had planned, but the task of creating a unified school was solved. The implementation of the principles of the unified labor school was partially solved. Disagreements over the model of the new school caused the incompleteness of the transition to new curricula and the restructuring of the educational process based on the principle of labor education and training. Due to the protest moods in society, the introduction of co-education was not completed. The introduction of fees for the right to study violated the principle of a Unified Labor School on the free and general availability of education, which was most clearly manifested with the onset of the financial and economic crisis in the Far Eastern Republic that forced the ministry to transfer schools to local governments.

Keywords: Far Eastern Republic, secondary schools, education reform.

С о времени окончания Гражданской войны в России минуло 100 лет, однако многие аспекты её истории всё ещё остаются слабо изученными и продолжают привлекать внимание исследователей, в частности история образования в период Дальневосточной республики (ДВР). Заметим, что из всех социальных институтов школа более всего затрагивает сферу идей и ценностей, влияя на формирование самоидентификации подрастающего поколения. Таким образом, социальное действие школы пролонгировано в будущее и становится фактором прогресса или регресса общества. В этом контексте изучение отечественного образования на переломных этапах его истории (школьной реформы) сохраняет свою актуальность, тем более что изучение его истории в ДВР далеко от завершения. К настоящему времени рассмотрены отдельные аспекты деятельности государства в сфере образования в публикациях В.В. Сониной, С.С. Пай и С.Б. Белоглазовой (подробнее см.: [1; 5; 6]). В.В. Сонин отметил «деформирующее влияние политики „военного коммунизма“ на систему образования, дал оценку реализации культурно-воспитательной функции государства и формированию основ профессионально-технического образования в ДВР», а С.С. Пай акцентировала внимание на «деятельности правительства ДВР по развитию кадрового потенциала системы образования и роли общегосударственных и региональных форумов в процессе

реформирования профессионального образования» [1, с. 112]. С.Б. Белоглазовой проведено первое исследование истории формирования Министерства народного просвещения ДВР и его деятельности по развитию системы образования на территории республики [1]. Данная статья обращена к историческому опыту реформы Единой школы в ДВР. Цель публикации — рассмотреть собственно процесс реформирования; а задачи исследования включают выявление и анализ основных направлений реформы, введение в научный оборот новых данных.

Сущность реформы Единой школы заключалась в переформатировании национальной системы образования, включавшей разнообразные формы учебных заведений, адаптированных к сословной структуре российского общества, в Единую школу, в которой начальная школа представляла собой первую ступень народного образования, преемственно связанную со средней школой. Вопрос о переходе к Единой школе был поставлен ещё на Всероссийском съезде по народному образованию (декабрь 1913 — январь 1914 г.). Участники съезда требовали отмены вступительных экзаменов при переходе в среднюю школу, пересмотра учебных программ начальной школы и корреляции их с программами средней школы, изменения внутренней организации школьной жизни на основе принципа трудового воспитания и обучения [3, с. 560—562]. В 1915—1916 гг. министр народного просвещения П.Н. Игнатьев начал подготовку реформы образования, включавшей введение Единой школы в составе I и II ступеней, построенных на основе преемственности начальной и средней школ, пересмотр учебных программ и учебно-воспитательного процесса через введение в жизнь школы трудового начала и школьного самоуправления [4, с. 3—4]. В Приамурском учебном округе и полосе отчуждения КВЖД первые результаты реформы появились после Февральской революции [2, с. 310—313], но начатые преобразования прервала Гражданская война.

Реализацией реформы Единой школы в ДВР занималось Министерство народного просвещения (МНП). Во время боевых действий оно осуществляло свои полномочия в сфере образования на территории реально контролируемого правительством Прибайкалья. После разгрома семёновских войск и последовавшего объединения областей Дальнего Востока в Дальневосточную республику¹ полномочия МНП, начиная с декабря 1920 г., распространились на Забайкальскую, Амурскую, Приамурскую и Приморскую области. Правовую базу реформы составляли положения об основах школьного дела в ДВР и нормативные акты правительства РСФСР 1918—1920 гг., что подчёркивало преемственную связь реформы образования в ДВР и в Советской России [1, с. 113].

1 января 1921 г. во все областные отделы народного образования (облочно) поступил циркуляр МНП о начале реформы образования на основе Положения о Советской единой трудовой школе. Окончательным сроком реализации реформы — расчленения школ по ступеням и формирования школьных

¹ Объединение произошло на конференции областных правительств, состоявшейся в Чите 28 октября 1920 г.

советов — назначили 1 апреля 1921 г. [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 5]. На основании данных, полученных от облоно во Владивостоке, Верхнеудинске, Хабаровске и Благовещенске, формирующаяся из всей сети дореволюционных школ единая двухступенчатая система в ДВР была представлена следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели по сети общеобразовательных учебных заведений в ДВР
(по данным местных облоно на 19—25 января 1921 г.)**

Области ДВР	Школы I ступени		Школы II ступени		Всего школ	Всего учащихся
	Число школ	Число учащихся	Число школ	Число учащихся		
Прибайкальская	220	560	14	164	234	724
Забайкальская	689	1189	11	344	700	1533
Амурская	570	1264	27	351	597	1615
Приамурская	196	511	7	212	203	723
Приморская	655	1401	15	184	670	1585
Итого в ДВР	2330	4925	74	1255	2404	6180

Источник: РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 80. Л. 11 об.

К школам I ступени относились все начальные школы и высшие начальные училища (ВНУ), к школам II ступени — средние учебные заведения (гимназии, прогимназии, реальные училища). Вместе с тем, анализ соотношения численности учащихся по школам соответствующих ступеней (2 ученика на школу I ступени и 16—17 учеников на школу II ступени) показывает, что полученные МНП данные были неполными. По причине трудностей с логистикой в военное время, а также из-за отсутствия достоверных данных, поступающих от школ, облоно на первых порах не располагали всей полнотой информации о ситуации на вверенных им территориях. По мере усиления управляемости территориями сетевые показатели уточнялись, отражая более достоверную ситуацию. Спустя месяц, 25 февраля 1921 г., министерство располагало сведениями о наличии в республике 2556 школ обеих ступеней, в которых обучались 287 000 чел. [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 80. Л. 18].

В процессе создания государственной сети Единой школы возникали конфликты с другими ведомствами и частными лицами по поводу принадлежности школьных зданий и имущества. Согласно постановлению Правительства ДВР от 16 декабря 1920 г., Забайкальская железная дорога должна была передать в ведение МНП все принадлежавшие ей культурно-просветительские учреждения общеобразовательного типа — школы, библиотеки, общеобразовательные курсы, народные дома, вместе с принадлежащими им инвентарём и учебными пособиями. Передачей занималась специально созданная железнодорожная комиссия по делам общеобразовательных учреждений железных дорог ДВР в составе представителей от Минтранса ДВР, Далькомтранса и заведующего отделом Единой школы В.М. Рыхтера, представлявшего интересы

МНП [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 53, 57]. Конфликт возник из-за отказа Минтранса передать школу на разъезде № 37 под тем предлогом, что школьное здание (оно же и народный дом) предназначалось на слом для перевозки в Черновские копи. В школе обучались 120 чел., она обслуживала всё местное население [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 44—44 об.], которое в случае разрушения школы оставалось без образовательного и просветительского центра.

Показателен случай с передачей в ведение МНП частной женской гимназии в Чите. В январе 1921 г. учредительница гимназии О.М. Цимбал-Миклашевская просила включить её в сеть государственных учреждений МНП на общих основаниях, расходы по выплате зарплаты учителям отнести на счёт МНП и компенсировать стоимость хозяйственного инвентаря и учебных пособий. Приёмо-сдаточная комиссия Забайкальского облоно оценила принятое согласно постановлению ДВР от 9 декабря 1920 г. в ведение МНП имущество гимназии в 3782 руб. 90 коп. валютой [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 83]. Однако Минфин ДВР не выплатил положенной суммы, и в начале мая Цимбал-Миклашевская уведомила МНП о том, что из-за неуплаты компенсации она считает себя свободной от обязательств перед казной и будет пользоваться «поименованным в описи имуществом по своему усмотрению» [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 83 об.]. Поскольку угроза срыва занятий была вполне реальной, В.М. Рыхтер обратился в Совет министров ДВР с просьбой обязать Минфин выплатить задолженность.

Известны случаи захвата имущества МНП Военным ведомством и другими организациями. В Чите военные заняли здания Политехнического училища и Александровского ВНУ; губком занял здание бывшего Епархиального училища и реквизировал мебель в Учительской семинарии; заявления о подобных реквизициях постоянно поступали из разных мест [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 57].

Одной из первоочередных мер реформы стало создание областных и уездных комиссий для выборов организаторов (заведующих) учебных заведений, преобразуемых в школы I и II ступени, которые получили полномочия заниматься комплектованием вверенных им учебных заведений кадрами учителей. Составленные организаторами списки преподавателей утверждались вышестоящими инстанциями — уездными или областными отделами народного образования. Вместе с тем стала распространённой практика произвольного перемещения учителей отделами народного образования, несмотря на утверждённые списки, без учёта мнения школьных советов и руководителей школ, что нервировало педагогов, учеников, их родителей и общественные организации и вызывало у них вполне законное возмущение. По замечанию министра просвещения К.С. Шрейбера, «при существующих невероятно тяжёлых экономических условиях, нормальная работа школ налаживалась с большим трудом, и тем более важно было строго придерживаться Закона о Единой Школе в Дальневосточной Республике» [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 114]. Но поскольку экономические условия в лучшую сторону не менялись, подобные ситуации периодически повторялись. Министерство вынуждено было рассылать очередные циркуляры всем областным, уездным и городским отделам народного образования с требованием прекратить постоянные увольнения,

перемещения, смещения и назначения учителей без соблюдения установленного порядка и без подтверждённых и обоснованных причин [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 135].

В начале реформы центральное управление народным образованием в республике находилось в стадии организации, не имело нужных ему специалистов, типографии, испытывало недостаток в учебно-методических материалах, поэтому не могло обеспечивать учреждения на местах достаточным количеством учебных программ и методичек и рассылало их в одном экземпляре. Областные руководители должны были сами распространять их по школам в нужном количестве. При этом рассмотрение программ рекомендовали проводить путём устройства местных конференций по специальностям [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 6], что в отсутствие специалистов нужной квалификации не всегда выполнялось на должном уровне.

В помощь учителям министерство открывало при учительских институтах, семинариях и педагогических курсах сеть опытно-показательных школ I и II ступеней (табл. 2).

Таблица 2

Сеть опытно-показательных школ в ДВР на январь 1921 г.

Области ДВР	Школы I ступени		Школы II ступени		Всего школ	Всего учащихся
	Число школ	Число учащихся	Число школ	Число учащихся		
Прибайкальская	5	60	1	20	6	80
Забайкальская	6	72	1	20	7	92
Амурская	6	72	1	20	7	92
Приамурская	4	48	1	20	5	68
Приморская	4	48	1	20	5	68
Итого в ДВР	25	300	5	100	30	400

Источник: РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 80. Л. 12.

Весной 1921 г. в Хабаровске запустили проект «Дом и городок школьника» — показательное учреждение, осуществлявшее на практике принципы «Индустриальной политехнической трудовой школы» [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 12. Л. 60]. В перспективе он должен был включать мастерские по разным отраслям ручного и машинного труда, кустарным промыслам и сельскому хозяйству, детский спортивный городок, детский театр, кинематограф и студию искусств (графики, лепки, музыки, пения), детский клуб с библиотекой, а также секции по метеорологии, астрономии и другим научным направлениям. Для проведения в жизнь столь масштабных начинаний показательного типа нужно было решить вопросы выделения земельных участков, зданий, оборудования и материалов, инструментов, рабочего скота и т.д. По решению Приамурского областного народно-революционного комитета за проектом закреплялись территории на Артиллерийской горе, городского сада и сада бывшего командующего войсками, 2 земельных участка по 10 десятин

под дендрологический школьный сад и для полевых работ, здания и территории бывшего детского сада и Топографического общества [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 12. Л. 60 об.]. По разным причинам в распоряжение администрации проекта перешло только 2 участка на Артиллерийской горе, тем не менее, несмотря на экономическую слабость, проект занял важное место в учебной и методической работе школ Хабаровска.

В марте 1921 г. МНП договорилось с облоно во Владивостоке о печатании в типографии Далькрайземгора 5 тыс. экз. «Программы Единой трудовой школы» и 5 тыс. экз. брошюры П.П. Блонского «Трудовая школа» для учебных заведений Забайкалья и Прибайкалья [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 31. Л. 17]. Заказ был выполнен полностью, но издание задержало отсутствие образцов программ по истории для школ I ступени, по естествознанию, химии и физике, истории и политэкономии — для школ II ступени, по географии — для обеих ступеней; их запрашивали из Иркутска, Томска и Москвы [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 31. Л. 9].

Программы Единой трудовой школы (ЕТШ) являлись своего рода «точкой роста» новой школы, без которой большинство школ I ступени, созданных на основе бывших начальных народных школ, оставались таковыми только по названию, так как не дотягивали по срокам обучения и объёму полученных в них знаний до уровня ВНУ или начальных классов средних школ, принятых за образец для школ I ступени. В этом контексте выполнение заказа во Владивостоке было большим успехом, так как в распоряжении МНП и местных отделов народного образования появились необходимые для тиражирования образцы. В свете последующих событий данный факт становится ещё более значимым. Спустя месяц, 23 апреля 1921 г., МНП сделало заказ в Государственную типографию на издание «крайне необходимых» программ и учебных планов для школ I ступени, который так и не был выполнен даже в IV квартале этого года [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 80. Л. 61].

Из-за дефицита постоянных программ МНП разрешило педагогическим коллективам корректировать их временные варианты или использовать как основу при составлении авторских программ. В школах II ступени пользовались дореволюционными программами для средних школ по дисциплинам, для которых новые варианты программ не были подготовлены (по иностранным языкам, биологии, экономической и физической географии) [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 103].

Остро ощущался недостаток учебников и учебных пособий. Обеспеченность школ I ступени в Забайкалье и Прибайкалье составляла лишь 1/13 от потребности, школ II ступени — 1/8 [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 80. Л. 5 об.]. Дефицит учебной литературы стимулировал педагогов на создание учебников своими силами. Таким примером были «Беседы по химии» для школ II ступени преподавателя Читинского реального училища А.П. Кожикова. В заявлении на имя министра народного просвещения в декабре 1920 г. он писал, что «учебник является пособием, отвечающим новым программам в школах... издан местными силами и здешними средствами» на высоком техническом уровне в количестве 2000 экз.; стоимость 1 экз. составляла 80 коп. [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 12. Л. 15—15 об., 24]. Весь материал учебника был построен

на периодической системе элементов Д.И. Менделеева, рассчитан на 20 бесед, и преподавать по нему курс химии можно было без специального лабораторного оборудования. Автор не скрывал, что отзывы на учебник имелись как положительные, так и отрицательные, и просил отдать распоряжение, чтобы он был рассмотрен специалистами и в случае благоприятного отзыва рекомендован для школ II ступени ДВР. Разбивавший дело врио заведующего отделом технического образования МНП позже докладывал министру, что опрошенные им «преподаватели химии, познакомившись с книгой Кожикова, выражали мнение, что в виду заключающихся в ней неверных сведений, она могла бы быть только пособием в руках более знающего предмет преподавателя...» [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 12. Л. 24 об.].

Осталось неясным, какое решение принял министр, однако можно предположить, что камнем преткновения к принятию учебника могло послужить предложение А.П. Кожикова о выкупе тиража книги министерством, что дало бы «возможность издателям привести в исполнение дальнейшую намеченную программу по изданию учебников для школ ДВР», а также о том, чтобы часть средств, полученных от этого издания, направить «на печатание учебника местного автора Д.И. Волкова по техническому черчению», редактором которого был сам Кожиков [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 12. Л. 24]. По сути, речь шла об участии государственного органа в коммерческих проектах, на которое, несмотря на декларации о легитимности частной собственности в ДВР, Министерство народного просвещения пойти не решилось.

Структурирование Единой школы сопровождалось внесением изменений в традиционную классно-поурочную систему организации учебного процесса. Осуществляя переход к «новому внутреннему распорядку школы», министерство руководствовалось инструктивным письмом Наркомата просвещения РСФСР (июнь 1920 г.) (подробнее см.: [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 58; Д. 42. Л. 7 об.]). Акцент в перестройке делался на самостоятельной работе учащихся как проявлении их коллективной или индивидуальной инициативы и творческой активности. Внедрялись такие формы самостоятельной работы, как написание рефератов, изготовление моделей и чертежей, проведение вычислений, ведение записи наблюдений. Для групповых лабораторных работ или экскурсий выделялся специальный день в неделю. Дореформенную балльную систему оценки знаний заменяли отзывами коллегиальных органов (комиссий) из состава учителей и учащихся. Отменили экзамены и переэкзаменовки, задания уроков на дом, но посещение школьных занятий оставили обязательным.

При формировании II ступени учащиеся в выпускном классе, а также в классах, соответствующих вторым старшим классам, распределялись по трём группам (математическим, естественно-историческим и гуманитарным) в зависимости от того, к каким наукам они проявляли склонность. В оставшиеся два месяца 1920/1921 учебного года приоритет отдавали изучению именно этих дисциплин, а часы занятий по другим предметам сокращали. Ввиду поступления в школы II ступени учеников с разноуровневым образованием (т.е. из различных общеобразовательных школ с далеко не одинаковой подготовкой), организовывали дополнительные групповые занятия.

В выпускных классах реформированных школ не менее 4 часов в неделю отводили на беседы с учащимися для ознакомления их с идеями ЕТШ. План бесед включал знакомство с историей возникновения и развития идей трудового воспитания среди лучших представителей педагогической мысли прошлого и настоящего времени, разъяснение принципов ЕТШ и научное их обоснование, изучение Положения о ЕТШ в РСФСР и обзор рекомендованной литературы по вопросам трудовой школы.

Перестройка учебного процесса была сопряжена с изменениями в сетке распределения учебной нагрузки, что имело свои плюсы и минусы. Изъятие из учебного курса Закона Божьего и латинского языка, переход к преподаванию новых языков (английского, французского и немецкого) только в школах II ступени, сокращение часов на историю, ввиду того что программу по ней продолжали перерабатывать в соответствии с новыми политическими веяниями, привело к появлению «свободных часов». С одной стороны, появлялась возможность за счёт их перераспределения усилить преподавание других дисциплин и увеличить число дней в неделю на лабораторно-групповые занятия, с другой — изменение учебной нагрузки ухудшало материальное положение части учителей вследствие сокращения часов на читаемые ими дисциплины.

Организационная жизнь школы перестраивалась посредством введения школьного самоуправления, основанного на демократических принципах организации внутренней жизни школьного коллектива и управления школой (подробнее см.: [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 210; Д. 2. Л. 56]). Полномочия в сфере управления распределялись между организаторами школ, отвечавшими за хозяйственную и педагогическую работу Единой школы, и школьным советом — новым элементом, введённым в систему управления для координации работы в школе и контроля за деятельностью администрации.

В состав школьного совета входили все школьные работники (учителя, инструктор физического труда и школьный врач), представитель от отдела народного образования, а также представители «трудового населения данного школьного района» ($\frac{1}{2}$ от числа школьных работников) и родительских организаций ($\frac{1}{4}$ от числа школьных работников). В школах II ступени в состав совета также входили 2 представителя от учащихся старших классов. Ученики в школе I ступени, двух первых классов в школе II ступени и хозяйственно-технический персонал в состав школьного совета не входили, но участвовали в обсуждении вопросов, касающихся организации работ в школе или внутреннего распорядка школьной жизни. В июне 1920 г. МНП ДВР получило циркулярное письмо из Наркомпроса РСФСР об обязательном привлечении представителей Российского коммунистического союза молодёжи (без указания их числа) в состав школьных советов в школах II ступени всюду, где последние уже организованы или будут организованы.

Школьные советы имели широкие полномочия и занимались распределением учащихся по классам и группам; согласовывали планы и учебные программы, производственную и хозяйственную работу школьников; рассматривали годовые сметы и отчёты по педагогической и хозяйственной работе школы; утверждали инструкции по внутреннему распорядку школьной жизни; рассматривали апелляции по поводу действий заведующего школой или

учителей; давали отзывы о сотрудниках школы, рекомендовали на утверждение ближайшей инстанции кандидатуры на освобождающиеся вакансии.

Хотя министерство назначило окончательным сроком реализации реформы 1 апреля 1921 г., считать эту дату её фактическим завершением нельзя из-за оставшихся нерешённых вопросов. Реорганизация школьной сети в единую систему не везде была завершена к указанному сроку, в первую очередь в отдалённых и труднодоступных районах. К примеру, в Зейском уезде Амурской области бóльшую часть школ реорганизовали только в октябре 1921 г. [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 126. Л. 5, 8—10, 17, 19, 21, 23, 25, 27, 29, 31, 33, 35, 37]. В Приморской области из-за Меркуловского переворота в мае 1921 г. реорганизация вовсе была прекращена.

В июле 1921 г. отдел Единой школы МНП разослал всем отделам народного образования циркуляр, появление которого было вызвано ростом протестных настроений в обществе, связанных с введением совместного обучения. Хотя не везде общественность была согласна с данным шагом, облоно «ввели совместное обучение во всех классах, совершенно не считаясь с условиями переживаемого момента» [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 92]. В том же Зейском уезде совместное обучение удалось ввести в 50% школ только в 1922 г. [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 126. Л. 23]. Противодействие со стороны общества заставило вводить совместное обучение постепенно, начиная со школ I ступени, равномерно распределяя в классах мальчиков и девочек. Что же касается школ II ступени, то приём учащихся обоего пола допускался в них лишь в 1-й класс, в старшие классы — по согласованию со школьными советами и только на свободные вакансии.

В июле 1921 г. МНП в очередной раз анонсировало издание временных примерных программ, образцом для которых послужили программы Московского Наркомпроса и обещало разослать их в ближайшие сроки по отделам народного образования для распределения по школам I и II ступени [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 103]. Весной 1922 г. были готовы учебные планы для школ I и II ступени (см. табл. 3, 4), но программы по новым языкам, биологии,

Таблица 3

Учебный план школ I ступени ДВР (март — апрель 1922 г.)

Предметы	1-й класс	2-й класс	3-й класс	4-й класс	5-й класс	Итого
Родной язык	10	9	7	6	5	37
Математика	2	3	5	4	5	19
Природоведение (физика и природоведение)	—	3	3	4	5	15
География	—	—	2	3	3	8
История	—	—	3	3	4	10
Рисование	3	2	2	2	1	10
Ручной труд	2	2	2	2	2	10
Пение	2	2	1	1	1	7
Итого	19	21	25	25	26	116

Источник: РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.

Таблица 4

Учебный план школы II ступени ДВР (март — апрель 1922 г.)

Предметы	Классы			Дополнительные часы для специалистов	Классы 4	Дополнительные часы для специалистов	Общее количество часов в неделю		
	1	2	3				Общих часов	Специальных часов	Итого
Русский язык и литература	4	4	4	2	4	2	16	4	20
Психология	—	—	—	—	2	—	2	—	2
История: 1) обзор русской и мировой истории; 2) история труда (культуры); 3) политическая экономия и обществоведение; 4) история государственного строя	3	3	3	1	3	—	12	1	13
История искусств	—	—	1	—	1	—	2	—	2
Математика (алгебра, геометрия, тригонометрия, анализ и аналитическая геометрия)	5	4	4	1	4	2	17	3	20
Естествоведение (биология, геология, минералогия, метеорология, сельское хозяйство: растениеводство, животноводство)	2	2	2	1	2	2	8	3	11
Физика	3	3	3	1	2	1	11	2	13
Химия	—	3	2	1	—	—	5	1	6
География (краеведение, физическая и экономическая география)	2	2	2	—	2	1	8	1	9
Общая картина мироздания (введение в астрономию)	—	—	—	—	2	—	2	—	2
Гигиена	2	1	—	—	—	—	3	—	3
Графические искусства (рисование и черчение)	2	2	2	—	2	—	8	—	8
Ручной труд	2	2	2	—	2	—	8	—	8
Пение, музыка, гимнастика	2	2	2	—	2	—	8	—	8
Новые языки* (немецкий, французский, английский)	5	5	5	—	5	—	20	—	20
Итого	32	33	32	7	33	8	130	15	145

* Предполагали изучение двух языков: обязательный и по выбору учащихся. На оба языка отводили 20 часов в неделю.

Источник: РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 73—73 об.

физической и экономической географии разработаны не были, поэтому, как и ранее, учителя продолжали пользоваться дореволюционными программами для средних учебных заведений.

Судя по данным таблиц, в учебном процессе в целом сохранялся традиционный предметный принцип группировки материала, но с привнесением элементов комплексного подхода при изучении отдельных дисциплин: природоведения — в школе I ступени, естествоведения, истории и географии — в школе II ступени. Уроки ручного труда (как элемент трудового воспитания) в 1-м классе школы II ступени включали обработку дерева, во 2-м классе — металлов, в 3-м и 4-м классах — практические работы в мастерских [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 75].

Вопрос о внедрении трудового принципа обучения в общеобразовательной школе — один из самых запутанных в истории отечественной школы. На первом партийном совещании в Москве по образованию (31 декабря 1920 г. — 4 января 1921 г.) решался вопрос о том, какой должна быть советская школа — трудовой политехнической, т.е. общеобразовательным учебным заведением, обеспечивающим общую подготовку учеников к участию в производительном труде, или трудовой монотехнической, дающей выпускника с профессиональной подготовкой. Влиятельная часть советско-партийной элиты высказывалась за второй вариант, вследствие чего намечалась очередная реформа с отменой школы II ступени и заменой её специальными профессионально-техническими учебными заведениями (техникумами) с 4-годичным курсом обучения (проект О.Ю. Шмидта) [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 31. Л. 22]. МНП ДВР оставалось приверженцем реформы в духе ЕТШ. В ноябре или декабре (точное время не установлено) 1921 г. К.С. Шрейбер на запрос из Благовещенского облоно ответил, что «на днях» внёс в Совмин проект Закона о Единой школе в ДВР, которым предусматривается «единая 2-ступенчатая система общего образования и постепенное проведение трудовых принципов преподавания» [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 120], т.е. эти принципы ещё не были внедрены в реформированной школе ДВР.

Проект Шмидта, принятый, кстати, и Наркомпросом РСФСР, встретил активный протест со стороны противников введения общей для всего подрастающего поколения узкой специализации в ущерб образованию политехнического характера, и до его практической реализации дело не дошло; теоретические разногласия и утилитарный подход к системе образования не только затрудняли практическую реализацию идеи прогрессистов XIX в. о сближении школы с жизнью и превращении школы учёбы в школу труда, но и непосредственно сказывались на подготовке соответствующего программного обеспечения.

Кроме того, для проведения в жизнь мероприятий по реформе нужны были средства. Но Совмин в этом вопросе занимал сторону руководства Минпродторга, считавшего, что просвещение «должно стоять на заднем плане», и потому блокировавшего ходатайства МНП об открытии финансирования на нужды образования, удовлетворяя их в последнюю очередь [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 56 об.].

Возобновление военных действий в ДВР после Меркуловского переворота спровоцировало кризис в системе образования. 21 июля 1921 г. Совет министров принял принципиальное решение о передаче местным органам власти всей хозяйственной стороны учреждений школьного, дошкольного и внешкольного образования, кроме учреждений, обслуживающих нужды всего государства. Поэтому вопросы отопления, освещения, ремонта и постройки школьных зданий, снабжения школ учебниками, книгами, пособиями, инвентарём, содержания школьной прислуги и прочее передавали на усмотрение местных органов власти [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 82, 82 об.].

Данное решение ухудшило ситуацию в системе образования, так как сельские общества не располагали необходимыми ресурсами и либо отказывались «кормить учителей», либо перекладывали содержание школ на родителей учеников, что спровоцировало сокращение сети школ. «Ненормальная и недопустимая» с точки зрения МНП ситуация побудила его в ноябре 1921 г. начать разработку законопроекта об общем местном школьном налоге, который ложился бы на всё население и формировался из определённого процента от местных налогов со зрелищ и торговых аукционов для нужд народного образования [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 129]. В связи с безвыходным материальным положением, в котором оказались школы, как временная мера вводилась плата за обучение, нарушавшая принцип ЕТШ о бесплатности и общедоступности образования. Правда, эта мера касалась не всех. К примеру, в школах Читы решениями школьных советов от платы за обучение полностью освобождались 30% беднейших учащихся и 40% — в половинном (50%) размере [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 127]. В декабре 1921 г. правительство ДВР отменило плату за обучение во всех школах, но ситуацию выровнять не удалось даже в следующем году. К 1 сентября 1922 г. в ДВР работали 2005 общеобразовательных школ со 173 634 учениками [1, с. 119]. В сравнении с данными на 25 февраля 1921 г. число школ сократилось на 22%, учащихся — на 39%.

Таким образом, основные направления школьной реформы в ДВР: формирование единой сети общеобразовательных школ, введение новых учебных программ, адаптированных к принципам Единой трудовой школы, перестройка учебно-воспитательного процесса, управления школой и организационной жизни школы посредством введения школьного самоуправления и принципа трудового обучения — воспроизвели всё, что было намечено по модернизации образования в 1913—1916 гг. прогрессивной педагогической общественностью России. Успешность и полнота проведения тех или иных мероприятий реформы зависела от военно-политической ситуации в регионе и экономических возможностей МНП. Политика остаточного финансирования нужд системы образования не позволила реализовать предпринятые начинания в полной мере, но в целом программу реформы можно считать выполненной, так как Единая школа на территории ДВР была создана. Финансово-экономический кризис причинил существенный урон народному образованию в республике, но созданная в процессе реформы модель новой школы в конечном итоге устояла, показав свою жизнеспособность.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Белоглазова С.Б. Политика Дальневосточной республики в сфере образования // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2018. № 19. С. 111—123.
2. Белоглазова С.Б. Реформа региональной системы общего образования в контексте концепции единой школы // Великая Российская революция 1917 г. в судьбах стран и народов мира: сб. науч. ст. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. С. 304—315.
3. Днепров Э.Д. Российское образование в XIX — начале XX века. М.: Мариос, 2011. Т. 1. 648 с.
4. Материалы по реформе средней школы: примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. Министра народного просвещения. Петроград: Сенатская типография, 1915. 553 с.
5. Пай С.С. Система народного просвещения на юге Дальнего Востока в 1917—1922 годах. Владивосток: Медицина ДВ, 2017. 152 с.
6. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики (1920—1922 гг.). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1990. 352 с.
7. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Beloglazova S.B. Politika Dal'nevostochnoy respubliky v sfere obrazovaniya [The Policy of the Far Eastern Republic in the Field of Education]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN*, 2018, no. 19, pp. 111—123. (In Russ.)
2. Beloglazova S.B. Reforma regional'noy sistemy obshchego obrazovaniya v kontekste kontseptsii edinoy shkoly [The Reform of the Regional System of General Education in the Context of the Concept of a Unified School]. *Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya 1917 g. v sud'bakh stran i narodov mira: sb. nauch. st.* [The Great Russian Revolution of 1917 in the Fates of Countries and Peoples of the World: Collection of Scientific Articles]. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2018, pp. 304—315. (In Russ.)
3. Dneprov E.D. *Rossiyskoe obrazovanie v XIX — nachale XX veka* [Russian Education in the 19th Century — at the beginning of the 20th Century]. Moscow, Marios Publ., 2011, vol. 1, 648 p. (In Russ.)
4. *Materialy po reforme sredney shkoly: primernye programmy i ob'yasnitel'nye zapiski, izdанные po rasporyazheniyu g. Ministra narodnogo prosveshcheniya* [Materials on the Reform of Secondary Schools: Sample Programs and Explanatory Notes Issued by the Order of the Minister of Public Education]. Petrograd, Senatskaya tipografiya Publ., 1915, 553 p. (In Russ.)
5. Pay S.S. *Sistema narodnogo prosveshcheniya na yuge Dal'nego Vostoka v 1917—1922 godakh* [The System of Public Education in the South of the Far East in 1917—1922]. Vladivostok, Meditsina DV Publ., 2017, 152 p. (In Russ.)
6. Sonin V.V. *Stanovlenie Dal'nevostochnoy respubliky (1920—1922 gg.)* [The Formation of the Far Eastern Republic (1920—1922)]. Vladivostok, Izd-vo DVGU Publ., 1990, 352 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 03.06.2022